

В. С. ИКОННИКОВ

Ближний боярин Афанасий Ордин-Нащокин

Сознавая настоятельную необходимость в прочной защите своего государства от двух опасных соперников: Польши и Швеции, царь Михаил Федорович должен был последовать Борису Годунову и снова пригласить в ряды русского войска наемных иностранцев, охотно предлагавших тогда свои услуги во всей Европе. Таким образом были сразу доставлены в Россию 5 полков, которые, однако, не принесли ожидаемой пользы в войне с Польшею и после неудачного опыта под Смоленском правительство не вызывало больше иноземных солдат в таком значительном числе; но за то с особенным старанием, при помощи своих послов и торговых агентов, оно приглашало из-за границы в русскую службу способных начальников и офицеров, а также капралов, для обучения русских войск иноземному строю. В войсках Шеина, под Смоленском, было уже шесть солдатских полков, один полк рейтарский и один драгунский, составленные преимущественно из русских ратных людей, под начальством немецких офицеров*. Алексей Михайлович следовал той же системе, в более обширных размерах, чему в особенности благоприятствовало то обстоятельство, что в Западной Европе, после Тридцатилетней войны¹, скитались без дела и денег тысячи отважных людей, которые искали притона и готовы были идти на край света, для удовлетворения своей жажды к войне. Внутренние, политические обстоятельства западных государств (Германии, Франции, Англии) заставляли многих лиц знатного происхождения покинуть свое отечество и искать счастья в других местах (Гордон, Брюс и др.). Московский государь охотно предлагал им щедрое жалованье, поместья, свободу исповедания, и вот целые толпы немецких офицеров, морем и сушею, стремятся в Москву,

* Акты арх. экспед. III, 295, 330, 377.

а в особенности много появилось их во время войны за Малороссию. Так, в один год (1661 г.) выехали в Россию из Польши полковник Кравфурд с 30 офицерами, в числе которых были майор Патрик Гордон и капитан Павел Менезиус*; из Германии полковник Шейн, подполковник Крейц, майор Вестендорф, с 39 капралами и рейтарами; из Шотландии капитан Смит; из Любека ротмистр Шульц с 17 рейтарами; из Дании полковник фон Эгерат и подполковник Стробель с 136 офицерами и рейтарами; из Англии подполковник Дикенсен с товарищами; из Аугсбурга полковник фон Подберг, полковники Гольм, Вильд, Ясман с 12 ротмистрами, 9 капитанами, 18 поручиками, 15 прапорщиками, лекарями, гранатчиками, с сотнею капралов и рейтар. Нашлись охотники в царскую службу даже из высших чинов: так, в 1659 г. лорд Шарль Эргардт, губернатор оксфордский и начальник всей английской кавалерии, предлагал себя в главнокомандующие русской армии, требуя звания генералиссимуса и неограниченной власти в суде, расправе и производстве чинов. Царь Алексей соглашался принять его и предоставлял ему эти права, за исключением наказаний по государственным и уголовным преступлениям, и право производства в чины до подполковника; но договор почему-то не состоялся. Письмо Эргардта из Брюсселя в 20 статьях с царскими резолюциями хранится в московском главном архиве министерства иностранных дел**2.

Многие из офицеров приезжали с женами и детьми, другие женились в России на дочерях и вдовах своих единоземцев, а некоторые приняли даже православную веру, как полковник Лесли и генерал фон-Букговен, тесть Гордона***. Полковники солдатских (пехотных) и рейтарских полков были почти исключительно иноземцы, при каждом из них находилось 33 человека офицеров, также большею частью иностранцев****. Еще в царствование Василия Шуйского появилась Воинская книга, переведенная по его повелению придворными немецкими переводчиками Михаилом Юрьевым и Иваном Фоминным (рукоп. in fol. на 76 листах в Импер. публичн. библиотеке), заключающая подробное изложение о приготовлении пороха и правила, как стрелять из пушек и пищалей. При Василии Шуйском и Михаиле

* Дневник Гордона, ч. II.

** Русск. войско до Петра В. Устрялова. в годичн. торж. акте Петерб. универ. 1856 г., стр. 59–62.

*** Ibid. 63.

**** Ibid. 68. Уже около 1662 г. насчитывали в России, кроме нескольких генералов, более 100 иностранных полковников и большое число подполковников, майоров, капитанов и поручиков. Мейерберг, изд. Аделунга, 314. В. И.

Федоровиче был составлен Устав ратных пушечных и других дел, касающихся до воинской науки, состоящей из 663 статей, выбранных Онисием Михайловым из иностранных книг (на 548 лист., полууставом, в Императорской публичной библиотеке³), изданный Рубаном в 1777 и 1781 гг. * При Михаиле Федоровиче был составлен устав для обучения войск иноземному строю, изданный по приказанию царя Алексея в 1647 г., под заглавием: «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Он представляет собственно перевод устава Карла V (тактики Леонарда Фронеберга), с незначительными переменами, и сопровождается чертежами, которые продавались и отдельно от книги, чтобы каждый солдат мог купить их за деньги и носить при себе**. От царствования Алексея Михайловича до нас дошло множество распоряжений, касающихся военных смотров, дисциплины, обучения новому строю и т. п.*** Вообще, замечает один военный историк, число регулярных полков еще более увеличилось. Старание этого государя развить наши военные силы начинало увенчиваться успехом; постоянные его заботы о том, чтобы иностранцы обучали наше войско, довели его наконец до того, что оно умело порядочно владеть мушкетом; явились даже весьма хорошие артиллеристы и литейщики из русских, так что иностранцы стали отзываться о них с некоторою похвалою****. Ордин-Нащокин, как мы видели, стоял в уровень с этими требованиями и настаивал на самом широком применении их, являясь предшественником Петра В. в военном деле.

Не менее был недоволен Нащокин русскою дипломатиею. И здесь его приводила в негодование та же медленность, зависимость людей, призванных к этой роли. Когда в Москве думали поссорить Выговского с ханом и тем ослабить их союз против России, Ордин-Нащокин откровенно заявлял царю, что таких людей, которые умели бы выполнить это поручение, нет, потому что они не учились чему следует, да и те дела, которые по наказам делаются, не скоро приходят к концу. При этом он замечает, что отвлечь крымского ха-

* Обручев. Обз. рукоп. и печатн. материал., относ. до ист. воен. искуc. в России по 1725 г. Спб. 1853, стр. 19–29.

** Обручев, 29–45.

*** Ibid. 21–67: обозрение их. Алексей Михайлович любил сам присутствовать на учениях рейтар и солдат, бывавших на Девичьем поле в Москве, Арцыбашев, ч. VI, пр. СХII. Впрочем, военный устав, напеч. в 1647 г., не вполне соответствовал современному состоянию военного искусства, так как в него не вошли позднейшие преобразования, произведенные в военном деле Густавом Адольфом.

**** Обручев, 17–18.

на от Выговского можно ничем иным, как послав на Дон способных людей, для возбуждения там движения, а не так как выполнил свою миссию думный дворянин Кондырев, у которого было множество людей, но ничего они не делали, а все померли с голоду*. Иначе поступал сам Ордин-Нащокин в крае, вверенном его управлению⁴ и недавно еще отнятом у поляков и шведов. «Крестьяне, писал он царю, с ноября 1656 по декабрь 1657 г. собрались в девятнадцати уездах, селятся в самых разоренных местах, около большой дороги, и если их впредь также беречь, то на шведов от них помощь будет большая; если лифляндские мужики, видя милость, обдержатся, то и к солдатскому ученью будут охотны»**. Но вот чем сопровождалась такая деятельность умного администратора, совершенно предоставленного самому себе, в самом опасном пункте государства. «Не боясь сильных, которые меня ненавидят, заключает он свое письмо, издавеча, как мытарь сокрушенным сердцем, как евангельская жена грешница, твои великого государя праведные ноги слезами обливаю: во всех делах службишки мои только объявлялись, а к совершению не допускались злыми ненавистниками***.

Вот при каких условиях приходилось работать на общую пользу одному из замечательных русских деятелей XVII века. Поэтому-то он неохотно встретил и свое новое назначение — отправиться для переговоров с шведскими уполномоченными о мире, боясь, что в его отсутствие крестьяне, оставленные на произвол судьбы, снова сделаются жертвою притеснений ратных людей.

И Швеция, и Московское государство нуждались в мире, в виду опасности, грозившей им обоим. Карл X поставлен был в весьма затруднительное положение союзом Польши с Данией и потому искал мира с Россией, при помощи курфюрста бранденбургского и герцога курляндского; московский царь склонен был к миру, вследствие угрожающего положения Польши, ожидавшей значительных для себя результатов от измены Выговского. При таких обстоятельствах, в конце апреля 1658 г., состоялось назначение уполномоченных на съезд, на р. Нарову: боярина кн. П. С. Прозоровского, думного дворянина А. Л. Ордина-Нащокина, стольника Прончищева

* Соловьев, XI, 67.

** О действиях русских войск в Ливонии одинаково свидетельствуют и русские, и иностранные известия: «людей побивали, и хлеб и лошади и животину всякую емлют, и насилие всякое делают». Дополн. акт. историч. IV, № 28. Пуфендорф говорит: «*Etjusserant Mosciomnes Finnos, aut quieaxisnationib useasprovinciasincolunt, trucidari, baptismiritum Ruscomoresuscipereet Czaripuratamfidemadstringereabnuentes*». Lib. III, § 48.

*** Соловьев, XI, 82.

и дьяков Дохтурова и Юрьева*. Но первенство Прозоровского было соблюдено только для виду, из нежелания оскорбить великородных, а в то же время царь Алексей, подобно Людовику XV любивший прибегать в важных случаях к личным сношениям, писал тайно Ордину-Нащокину**, чтобы он один вел важнейшие переговоры, и, в случае надобности, подкупил бы шведских послов: он желал во что бы ни стало удержать за Россию морские пристани: Ниеншанц и возле Ругодива (Нарва), а от них свободный проезд до г. Орешка, на р. Неве, и г. Кукейнос, на р. Двине, и другие места***, которые будут нужны, за что позволял Ордину-Нащокину предложить шведским уполномоченным до 20 000 руб. соболями и ефимками. Но этим делам царь Алексей уполномочивал Нащокина писать прямо к нему в Приказ Тайных дел. Но как ни настаивал последний, чтобы съезд был в Лифляндии, опасаясь оставить занятые уже там места, ему не удалось достигнуть этого. Он должен был ехать под Нарву. Пользуясь же случаем, Нащокин высказывает царю свой взгляд на значение для России занятого края: «Лучше всякой силы промысел; шведы всех соседних государств безлюднее, а промыслом над всеми берут верх, у них, государь, никто не смеет отнять воли у промышленников». Понятно, что подобная роль Нащокина не могла нравиться другим членам нового посольства, а также шведским уполномоченным, видевшим в нем твердого и решительного защитника русских интересов в Ливонии, и они думали даже сбыть его отсюда. Таким образом снова с обеих сторон шлются жалобы в Москву. Но к этому присоединяется еще одно неприятное обстоятельство. Воевода, кн. И. А. Хованский, находившийся с войском во Пскове и имевший личные неудовольствия с Ординым-Нащокиным****, пришел в страшный гнев, узнав, что послы потребовали к себе часть войска, бывшего в его распоря-

* Со стороны Швеции представителями были: государственный советник, знаменитый патриот Густав Бельке и эстляндский губернатор Бенгт-Горн.

** В частной переписке с царем Ордин-Нащокин употреблял особую азбуку — тайнопись. Ключ к ней у Попова, Русск. посольство в Польше в 1673–77 гг. Спб. 1854, 273–76.

О первенствующей роли его на съезде говорят Пуфендорф и Кельх (Lifländische Historia). Вообще иностранные историки отдают полную справедливость его дипломатическим способностям (Пуфендорф *De Reb. Caroli Gustavi*, кн. V, последний §; Lossen. *Hist. Suecan.* кн. IX) и считают его опасным противником Швеции, достойным доверия царя (Гадебуш).

*** Это были те места, которые достались потом Петру Великому и где возникла новая столица России.

**** Соловьев, XI, 81–83.

женин. «Знаю я, чьи это затеи», писал он им в своем ответе, явно намекая на Ордина-Нащокина. К мотивам личного оскорбления здесь присоединялись еще местнические счеты, игравшие весьма важную роль в глазах Хованского. Таким образом, царю Алексею Михайловичу приходилось принять на себя роль примирителя; но он дал на этот раз почувствовать Хованскому всю неправоту его поступка. Указав ему на личные заслуги Ордина-Нащокина, он велел сказать родовитому, но далеко не обладавшему умом савоннику: «а тебя, князя Ивана, взыскал и выбрал на эту службу великий государь, а то тебя всяк называет дураком и тебе своею службою возноситься не надобно; ты хвалишься, что тебе и под Ревель идтине страшно: и тебе хвалиться не довелось, потому что, кто на похвальбе ходит, всегда посрамлен бывает, и ты этою своею похвальбою изломишь саблю; за что ты тех ненавидишь, которые государю служат верно?»* Тебе бы великого государя указ исполнить, с Афанасием помириться, а если не помиришься и станешь Афанасия теснить и бесчестить, то великий государь велел тебе сказать, что за непослушанье и за Афанасья тебе и всему роду твоему быть раззорену».

Эти отношения наделали много неприятностей Ордину-Нащокину и он откровенно высказал царю Алексею, к чему ведут тайные сношения с ним и полномочия, данные ему, без действительной власти. Шведы, недовольные медленностью переговоров, жаловались, что Нащокин склоняется в пользу поляков, а в Варшаве будто бы рассчитывают на его посредничество; они упрекали его в дружбе с гетманом Гонсевским, между тем как ему поручено было самим правительством вступить в сношения с последним и сообща действовать против шведов. Гонсевский действительно занял некоторые города в Ливонии. Ордин-Нащокин, в свою очередь, не одобрял московского договора, составленного в пользу Швеции; он настаивал на перемене Хованского, как неспособного полководца**. «Нельзя

* Предсказание царя сбылось над Хованским в 1660 году. Соловьев, XI, 112–113. Впоследствии, в письме к Матюшкину, царь, упрекая Хованского за неудачу в битве споляками, приписывал это «его беспутной дерзости». Письма Алекс. Мих., изд. Бартевым, 65.

** Мейерберг говорит, что Хованский был известен в целом свете (с 1660 г.) своими поражениями и проигрывал битвы по своей опрометчивости. «Невежда во всех военных науках, тем не менее считается достойным начальствовать войском потому, что ведет свой род от князей Корецких на Вольни; так как по московским обычаям, между военными начальниками принимается в уважение род, а не опытность». (Изд. в Чтец. Моск. общ. ист. 1874 г. стр. 43–44, Ср. Соловьев, XI, 112). — Народ дал ему прозвание тараруя (болтуна). Сохранилось известие

во всем дожидаться государева указа, прибавляет он. Вот мне не было прислано указа, чтобы идти под Мариенбург⁵, но я, видя, что наших ратных людей из Полоцка и Пскова нет, а шведы в сборе, призвал к себе Гонсевского и пустил в Лифляндию и затем взял город Мариенбург». В интересах дела Нащокин готов был примириться с Хованским, хотя и не верил в постоянство его нрава.

Впрочем не в лучших отношениях находился Хованский и с представителем посольства, кн. Прозоровским. Он хвалился перед своими подчиненными, что он старше его тремя местами, а ему советовал не слушаться Ордина-Нащокина. Неуместная требовательность Хованского вполне подтверждается его оправданием перед царским посланным, которому он говорил: «досадно мне то, что пишут ко мне с указом; прежде наши братья за честь свою помирали». Но, уступая требованию государя быть в мире с послами, Хованский все-таки сорвал свое сердце на этом слабом пункте самозащиты*. В требованиях Прозоровского, подписывавшегося на бумагах к нему, он видел «затейки» того же Нащокина, а о себе замечает так: «знаю я, Афанасий человек умный, великому государю служит верно и государева к нему милость есть, в прежние времена и хуже Афанасья при государевой милости был Малюта Скуратов»⁶.

Так смотрели на возвышение Нащокина люди, основывавшие все свои права на одном происхождении. Отзыв о Хованском царя Алексея вполне подтверждает, что подобные противники не могли стать выше своего положения даже в критические моменты политических отношений.

о безнравственном его поведении во Пскове, а также о произвольных и жестоких поступках его с ратными людьми. Соловьев, XII, 349–350.

Челобитчики (в 1664 г.) подали роспись сводницам, которые приводили к князю Ив. Андр. Хованскому и сыну его, князю Андрею, женок и девок на блуд: четыре сводницы приводили более 20 женщин. Солов., ib., прилож., 357–359.

Все это не мешало ему потом стать во главе защитники встарини и раскола и заправлять кровавою Московскою смутою в конце XVII в., жертвою которой сделался он сам и его сын.

* О его местнических счетах рассказывает весьма забавный случай Мейерберг: «Князь Хованский, пишет он, не прислал никого посетить нас от своего имени (во время проезда посольства в Москву в 1661 г.), не почтил нас и подарком; такое нарушение обычаев мы приписали неудовольствиям, бывшим у него с Нащокиным, отчего он и не хотел поступать по его примеру, из пренебрежения к нему... Впрочем, мы узнали, что Хованский не мог одолеть своего любопытства, что принял нас за городом, находясь между всадниками неузнанный, а потом, скрыв себя под крестьянским кафтаном, поддерживал личным старанием нашу карету, приходившую в опасное положение в излучинах улиц». Изд. в Чтениях в Московском Обществе Истории и древностей Российских, 1874. стр. 43.

Наконец, после продолжительных пререканий о месте совещаний, представители обеих сторон собрались в деревне Валиесар, находящейся между Нарвою и Нейшлотом. Царь очень желал, чтобы его уполномоченные удержали за Россию по крайней мере часть завоеваний, за которые он готов был заплатить деньгами; но им удалось заключить (1 дек. 1658 г.) только перемирие на 3 года⁷ с сохранением однако за Россию всех завоеваний в Ливонии*. Требования эти были поддержаны значительным войском (40,000), появившимся тогда под Гдовом**. Но в Москве такой неожиданный, хотя и временный, успех приписывали лишь покровительству Тихвинской Богородицы⁸, образ которой находился с послами***. Царь Алексей хотел, кроме того, присоединить Иван-город, чтобы русские купцы имели в своем распоряжении корабельную пристань, но его отклонил на этот раз сам Нащокин, ссылаясь на то, что в руках шведов находится несколько приморских городов, и они, пользуясь своим преимуществом, заставят русских ездить к себе! «В торговле русские люди слабы друг перед другом, туда поедут, куда их помянут, а на своих местах не держатся», писал он в Москве.

К сожалению, в критический момент своей дипломатической деятельности, Нащокин был поражен неожиданным известием о бегстве своего единственного сына — Воина — за границу. Отец позаботился дать сыну приличное образование: он учился у пленных поляков, от которых наслышался рассказов о прелестях заграничной жизни и польской свободы. Плоды подобного увлечения мы уже видели на молодых людях, отправленных за границу при Борисе Годунове, на кн. Хворостинине⁹, подвергшемся однажды опале за свою склонность к Польше и критическое отношение к московским порядкам. Впоследствии, русский резидент в Варшаве Тяпкин благодарил короля за образование своего сына в Польше. Котошихин¹⁰, недовольный московскими порядками, бежит сначала в Польшу, а потом в Швецию. Таким образом подобные симпатии не были новостью в русской жизни. Напротив, отличное воспитание молодого Нащокина обратило на него внимание правительства. В отсутствие отца, он занимает его место в городе Дмитриеве; ведет иностранную корреспонденцию; переписывается с своим отцом

* Кокенгаузен, Адзель, Мариенбург, Дерпт, Нейшлот, Динабург, Резитель, Лютины Улех со всеми их округами. П. С. Зак. т. I, № 240 и подтверждение № 267.

** Опыт Терещенка, 43.

*** Царь велел отпраздновать это торжество молебствием и пушечною пальбою: «стрелять по наряду, чтобы про то всем людям было ведомо». П. С. З. № 241.

и государем; был приглашаем не раз на тайные совещания к последнему и пользовался его покровительством. Но, побывав в Москве, он не взлюбил тамошних порядков и, возвращаясь оттуда с поручением к отцу и значительною суммою денег, уехал к польскому королю в Данциг, который отправил его к немецкому императору, а потом во Францию. Понятно, как эта весть должна была поразить Нащокина, против которого могли теперь поднять головы его недоброжелатели и враги. Он ожидал уже собственной опалы и стал проситься в отставку*.

Но взгляд на подобные увлечения иноземными обычаями уже изменился у правительства. Еще недавно кн. Хворостинин мог заплатить ссылкой за то, что хвалил другие государства и думал уехать за границу, а теперь Алексей Михайлович сам пишет утешительное письмо к отцу виновного, успокаивает его мать, а относительно проступка сына делает следующее замечание: «Он человек молодой, хочет создания Владыки и творения рук его видеть на этом свете, как и птица, которая летает туда и сюда, и, полетав довольно, опять к своему гнезду возвращается». Только в тайном наказе посланному царь говорил, чтобы отец разыскал сына и предлагал дать за него 5–10 000 руб., а если его поймать нельзя и отцу будет нужно, «то сына его извести бы там, потому что он от великого государя к отцу отпущен был со многими указами о делах и с ведомостями»; впрочем был дан наказ говорить об этом осторожно, «соображаясь с речами отца». Обрадованный этим отец, спешил поблагодарить за внимание государя, но отвечал, что платить деньги за поимку сына не стоит, потому что он за неправду и сам пропадет.

Мы видели, что Ордин-Нащокин получил по тому времени прекрасное воспитание: он знал латинский, немецкий языки и математику. Впоследствии, имея частые сношения с поляками, он выучился и польскому языку. Так, с польскими послами, бывшими в Москве в 1667 г., он мог объясняться по латыни и по-польски**. Самый слог Ордина-Нащокина*** свидетельствует уже о влиянии книжности XVII века и тех условных форм речи, которые были тогда в употреблении, под влиянием латино-польской образованности. Не мало, конечно, принесли пользы Ордину-Нащокину его постоянные обращения с иностранными послами и многократные

* Алексей Михайлович прямо говорил, что измену молодого Нащокина «причитали» отцу. Соловьев, XI, 96.

** Бумаги Флорент. Арх., изд. гр. Бутурлиным, 426. Царевич Алексей Алексеевич обращался к послам на тех же языках.

*** Соловьев, XII, 247. Бумаги Флорент. Арх. *ibid.*

путешествия по дипломатическим поручениям*. О благосклонности Нащокина к англичанам нам приходилось уже упоминать. Ученый врач царя Алексея, — Коллинс, — известный в свое время не только как опытный практик, но и сочинениями (по анатомии), пользовался особенным расположением Нащокина. Как англичанин, ненавидящий голландцев, Коллинс приписывает свои симпатии и антипатии Нащокину, который, по его словам, называл голландцев «мужиками», против которых следовало бы соединиться всем европейским государям, и говорить о нем, как о «единственном покровителе англичан» в России. В суждениях автора без сомнения выразилась вся ненависть к соперничеству голландцев в России**, о котором он не раз упоминает на страницах своих записок (см. особенно 38, 39). По этому поводу он замечает: «очень хорошо было бы, по моему мнению, если бы какой умный человек сделал в Москве

* Впрочем, указание Арцыбашева (III. 149) и Берха (Царств. Алекс. Мих (I, 162 и II, 73) о поездке Ордина-Нащокина вместе с кн. Прозоровским в Англию (ссылки на Древ. Рос. Вивл., т. XVI и XVIII неверны) не подтверждается. Соловьев, XII, 240; Русское посольство в Англии в 1662 г., по документам моск. главн. арх. мин. ин. дел, с портрет., А. Ладыженского. Историч. Вестник, 1880, III, 433–453.

** Так, он говорит: «Английское сукно совершенно упало в цене, потому что оно дороже голландского, а голландское сукно хотя не прочно и сседается вточке на шестую долю, но нравится русским, которые говорят, что сседается только новое сукно. Напрасно мы не возим им такого, к тому же мы все торгуем одним сукном, а голландцы привозят шелки и всякого рода мелочные товары, расходящиеся больше, нежели сукно, которое теперь выходит из употребления... Голландцы стараются также унижить и осмеять англичан, рисуют карикатуры, сочиняют пасквили и тем дают русским невыгодное о нас понятие. Они изображают нас в виде бесхвостого льва с тремя опрокинутыми коронами и множества больших собак с обрезанными ушами и хвостами. Таких неприличных картин очень много и кистью они владеют искуснее, нежели пером». Стр. 38–39.

Торговые неприятности англичан начались со смертью Карла I, которая послужила Алексею Михайловичу предлогом лишить их важных привилегий («за то, что они всю землю учинили большое злое дело, государя своего убили до смерти»). Потом он вступился за Карла II, сына умерщвленного короля, и послал протест о том ко всем европейским дворам, заявляя, что в лице Карла I нанесена обида всем государям. Царь называет Карла I «славным мучеником» и спрашивал о здоровье вдовы его у английского посланника, а за столом, в присутствии того же посланника, Карлейля, предложил выпить первый тост в память «блаженного мученика Карла I». *La Relation destroisambassadesde Carlisle*, Paris 1857. Капустин, 42–43. Но замечательно, что в «Дворцовых разрядах» (стр. 572) о тосте впамять Карла I не упоминается.

Ордин-Нащокин также высоко ставил самодержавный принцип (вписьмах к Алексею Михайловичу и отзывах Коллинса).

самое выгодное описание государств, принадлежащих его величеству королю Британскому, его могущества, западно-индийских колоний со всеми их доходами и, приложив карту всех этих земель, поднес бы это сочинение Нацокину, чтобы опровергнуть клеветы голландцев и дать ему истинное понятие о могуществе Британского королевства. Не должно также пренебрегать и Богданом Матвеевичем¹¹, прибавляет автор: он охотник до редкостей и ему не худо было бы поднести в подарок редкостей. Нацокин занимает первое место в делах государственных, а Богдан может выиграть личную любовь царя к его величеству королю Британскому». Предпочтение голландцев в России он объясняет щедрыми подарками, которые они делали русским боярам; он опасается также, что распространение восточной торговли русских лишит навсегда англичан надежды возвратить свои торговые права. Нацокину не нравились частые рекомендации, с которыми обращались иностранные правительства за своих подданных: «как будто наш царь недовольно печется как об русских, так и об иностранцах», замечал он.

С именем Ордина-Нацокина связано также распространение и улучшение садоводства в России.

В древней России сады имели по преимуществу экономическое значение. Убранство и украшение садов долго здесь не имели места. Между тем, в Западной Европе было сделано чрезвычайно много в отношении садоводства. Итальянцы, находившиеся в постоянных сношениях с Востоком, первые содействовали распространению редких растений в европейских садах. В свою очередь, голландцы, благодаря своим поездкам в южную Азию, успели вывезти оттуда разные цветы и овощи, которые затем распространились по другим странам Европы. В Германии и Голландии с особенным успехом занимались огородничеством, в Италии любили великолепие в садах, соединение садоводства с архитектурой и культурой, украшение садов самыми замысловатыми фонтанами и т. п. Французы, при Людовике XIV, заимствовали подобную утонченность в устройстве садов у итальянцев*. Русские путешественники XVII века с особенным вниманием останавливаются уже на описании садов и их украшений**. Михаил Федорович обратил внимание на устройство дворцовых и загородных садов; но еще более сделал в этом отношении Алексей Михайлович. При них стали привозить из-за границы садовые деревья, овощи и цветы, а из Астрахани Алексей Михайлович распорядился выписать виноград, тутовые

* Ген, Культурные растения, Fraas, Gesch. d. Landwirthschaft.

** Брикнер, Русские дипломаты-туристы, «Русск. Вестн.» 1877, № 7, 36–40.

деревья и семена хлопчатой бумаги. Тогда же появляются в России иностранные садовники и аптекарские огороды. В дворцовых садах устраивались каналы, ставились картины и делались другие украшения*. Царям подражали в изящном устройстве садов некоторые вельможи; а в числе не многих из последних при Алексее Михайловиче славился в Москве сад Ордина-Нащокина**.

Об административной деятельности Нащокина Коллинс говорит: «Он оживил торговлю шелком в России и думают, что вся индийская торговля обратится сюда. Теперь он занимается преобразованием русских законов и новым образованием всего государства. Доносы уничтожатся; все наместники с помощниками своими будут иметь власть над жизнью и смертью, потому что прежде все преступники привозились в Москву, а это было для царя очень беспокояно и отяготительно. Нащокин человек неподкупный, строго воздержный, неутомимый в делах и обожатель государей». Отсюда видно, что Ордин-Нащокин мечтал о коренном преобразовании русской администрации и законодательства. В этих отрывочных известиях нельзя не видеть также его намерения ослабить сильно развившуюся тогда централизацию государства. Вероятно по его же настоянию, царь решился, вскоре по вступлении его в должность, рассматривать лично бумаги дьяков, чтобы видеть какие дела решены, а какие остались без ответа и исполнения.

При всем своем расположении к западным порядкам, Нащокин не был, однако, слепым подражателем и поклонником их. «Да что нам за дело до иностранных обычаев, говаривал он иногда: их платье не по нас, а наше не по них». Но здесь он вдруг остановился, прибавляет Коллинс, как будто высказал больше, нежели хотел сказать, как будто боялся, чтобы его слов не повторяли. Поэтому вы можете судить, что он великий политик, очень важный и мудрый государственный министр и может быть не уступит ни одному из европейских министров***.

Барон Мейерберг, посетивший Россию в 1661–1663 гг., в качестве императорского посланника, был принят в Мариенбурге Нащокиным, выехавшим к нему на встречу из Дерпта. «В этот день, говорит Мейерберг, воевода угощал нас у себя с большою приветливостью». Он хвалит умеренность Нащокина и устранение за столом многих русских обыкновений, так поражавших иностранцев. «Сам он вовсе не глупый подражатель наших обычаев, с дружескою любезностью уволил нас от способа пить (в присутствии своей жены) и напиваться

* Московские сады в XVIII ст. Опыты Забелина. II, 266–321.

** Взгляд на историческое древнее садоводство в Москве до Петра В. Снегирева, 13.

*** Коллинс, 33–35.

до пьяна». Нащокин, по словам Мейерберга, «был одарен острым умом» *. Современник-поляк, говоря о нем, замечает: «прославиться самим собою, создать себе счастье может только тот, кого необыкновенная доблесть отличила от толпы... При отличном расположении государя, милосердное небо и снисходительное благоволение природы отличило Нащокина... Одним словом ни к какому государству нельзя лучше применить двустипшия латинского поэта:

Summos posse viros, et magna exempla daturos,
Vervicum in patria, et crassoque sub aëre nasci.

(Великие мужи, достойные служить образцами, могут рождаться даже в странах необразованных и под мрачным небом**).

«Это одна из замечательнейших личностей до-петровской Руси, говорит Капустин; при тогдашней неразвитости дипломатических сношений, трудно представить себе такое ясное понимание положения государства и его потребностей, такой верный взгляд на все явления истории, такое умение угадывать исход событий и их значение, какие замечаем у Ордина-Нащокина. Это был главный представитель русской дипломатии в XVII веке; на нем отразилось все ее значение и движение, все вопросы того времени. Ордин-Нащокин во всю жизнь не изменял глубоко сознанных убеждений, не отступая от них ни на шаг»***. «Это был один из предтеч Петра Великого, замечает Соловьев, человек, который убедился в превосходстве Запада и начал громко говорить об этом превосходстве, требовать преобразований по западному образцу. Он дорого поплатился за это, когда хваленый запад отнял у него сына. Но неприятности не могли этим ограничиться. Узнавши чужое, лучшее, Нащокин стал порицать свое худшее; но порицая дела, он непременно должен был порицать и лица, принять на себя роль учителя, выставляя свое превосходство, тогда как было много людей сильных, которые не хотели признавать этого превосходства, не хотели быть учениками Нащокина. И нельзя не признать, что Нащокин поступал при этом не очень мягко, слишком давал чувствовать свое превосходство, свои учительские права»****.

* Путешествие в Московию, изд. в Чт. М. О. Ист. 1874, 35–39.

** Северный Архив 1825, XVII, 311–312.

*** Капустин, Дипломатические сношения России с Западной Европой во 2-й половине XVII в. М. 1852, стр. 9–10.

**** Соловьев. История Российская с древнейших времен. XII, 62–63. Ср. его же статью: «А. Л. Ордин-Нащокин» в «Спб. ведомости» 1850, № 70; заметка об этой статье Жур. Мин. Нар. Пр. ч. LXVII, стр. 240.

Ордин-Нащокин был представителем тех лучших стремлений и идей своего века, которые нашли отголосок в произведениях некоторых его современников, каковы были труды Котошихина и Юрия Крижанича*.

Первый из них служил подъячим при Ордине-Нащокине во время пребывания его в Ливонии**, а потом в Посольском приказе, благодаря чему успел собрать массу сведений об административном и общественном строе современной России. По его труду мы можем судить, каким материалом мог располагать уже Ордин-Нащокин, предпринявший ряд реформ в государственном быте страны. Крижанич отчасти служит дополнением к Котошихину, отчасти посвящает свои мысли и труды внешней политике России, причем к иностранцам он относится также критически, как и Ордин-Нащокин. Но это не мешало ему постоянно говорить о необходимости сближения России с Западом, о потребности в общественных и экономических реформах Московского государства. Свои труды он посвятил царю Алексею и его сыну, царевичу Алексею. Его «Политика» была в руках у Алексея Михайловича и Федора Алексеевича, переписывалась, переплеталась и ходила по рукам; то же известно и о других сочинениях Юрия Крижанича, зашедших в Москву из Сибири и переходивших здесь из рук в руки***. Сохранилась, как говорят, переписка Крижанича во время его жизни в Сибири с русскими людьми****, которая должна иметь большое значение для оценки тогдашних общественных отношений и его трудов.

В важнейшем вопросе внешней политики — мы говорим о славянском вопросе — у Крижанича есть также много точек соприкосновения с Ординым-Нащокиным.

Такова была эпоха, таковы были лучшие ее представители.

Поворот с Востока на Запад становится очевидным. К грекам в Москве не питали уже прежнего доверия*****. Мы видели, что они с начала царствования Алексея не пользовались даже торговыми

* Несколько сведений о Нащокине см. в Описании славянских и русских рукописей, сборников императорской Публичной библиотеки А. Ф. Бычкова. Спб. 1878, 126–130.

** Здесь с Котошихиным была неприятность, за описку в титуле (пропуск слова «государь»): государь велел за это наказать его — «бить батоги». Соловьев, XI, 466.

*** Арс. Маркевич. Юрий Крижанич, 157, Бессонов, Православное обозрение. 1870, т. I, 129–159. «Политика» была писана автором в 1663–1664 гг.

**** Маркевич, 24.

***** Соловьев, XIII, 229.

преимуществами; в «Новоторговом уставе» проведено то же начало*. В 1669 г. в Посольском приказе рассматривалось скабрёзное дело о торговле мощами греков и волохов¹², рассчитывавших на наивность москвитян**. Славянский патриот Крижанич на одну доску ставит, как врагов славянства, немцев, жидов, цыган, армян, так и греков, «которые кровь из нас высасывают»***. Русские туристы, ездившие на восток в XVII в. по церковным делам (Арсений Суханов¹³, монах Тимофей), возвращались оттуда с печальным сознанием о религиозном и умственном упадке греков. Лучшие силы воспитывались на Западе (братья Лихуды¹⁴ и др.). Авторитет старых учителей видимо падал, а в «Духовном регламенте»¹⁵ Петр Великий произносит уже над ними суровый приговор.

С иными впечатлениями возвращались русские туристы, побывавшие на Западе. Не смотря на внешнее описание памятников и городов, виденных ими на пути, отчасти объясняемое официальным характером их записок, все таки заметно, что последние производили на них известное, притом благоприятное впечатление. С другой стороны, они здесь впервые познакомились с театральными зрелищами, культурными садами, зоологическими собраниями и редкостями, благотворительными заведениями, отличительными чертами жителей разных стран Европы, торговлею и обычаями****. Менее других сторон поддавалась их наблюдению и оценке наука: Чемоданов и Лихачев, видевшие глобусы во Флоренции, не имели о них ясного представления*****. Но наука уже ценилась ими: вспомним отзыв о Париже Потемкина. В 1676 г. датский резидент подарил царю Федору великолепный серебряный глобус, хранящийся в Оружейной палате^{6*}. Котошихин уже с сожалением говорит, что москвитяне сами не ездят и детей своих не посылают в другие государства для изучения наук и обычаев, опасаясь перемены веры и нравов^{7*}. По-видимому эта опасность имела основание в фактах, обнаружившихся еще во время войны русских с поляками при Михаиле Федоровиче. Вот что писал об этом кн. Иван Голицын:

* Статьи 80–81.

** Записки Археологического общества по отделению словесности. II, 390–394.

*** Рус. госуд. 6–29.

**** См. у Брикнера, Русские дипломаты-туристы в Италии в XVII ст. Русский Вестник 1877 г.

***** Ibid. № 7, стр. 21. Представление о мире Симеона Полоцкого, учившего в это время царских детей, носит еще вполне средневековой характер. См. о нем статью Л. Н. Майкова в Древней и Новой России. 1875, гл. III, 130–131.

^{6*} Изображение его в Древн. Рос. госуд. т. V, № 41.

^{7*} Гл. IV, 24.

«Русским людям служить вместе с королевскими нельзя, ради их прелести: одно лето побывают с ними на службе и у нас на другое лето не останется и половины русских лучших людей, не только что боярских людей: останется кто стар или служить не захочет, а из бедных людей не останется ни один человек»^{*}. В свою очередь, Крижанич хотя не одобряет путешествия поляков за границу, которые привозят домой глупость, и поэтому предлагает запретить всем царским подданным «скитание по чужим землям»^{**}, но он же настаивает на усвоении западно-европейской науки в самом широком смысле слова, чтобы успешнее вести борьбу с иностранцами в области торговли и политики^{***}. С этой целью он предлагает переводить с иностранных языков на русский лучшие сочинения о ремеслах, земледелии и других полезных предметах, и приглашать иностранцев для обучения русской молодежи ремеслам и искусствам, обеспечив им свободное возвращение в их отечество. Он предлагает обширную программу внутренних реформ, основываясь на опыте западно-европейских государств, и ратует против тех, которые считали знание ересью, а науки ненужными для русских. Политику он называет самую благородною из всех светских наук. Он обращает уже внимание на неудобства русского платья. Его поражают странные контрасты: роскошь убранства и стеснения в движениях русских послов, бывших за границею^{****}; пышность в отделке одежды и отсутствие самых необходимых предметов в домашнем быту. «Мы продаем многие кожи другим народам, говорит он, а сами босые ходим... Не следует подшивать шубы и шапки дорогими мехами и обшивать сорочки бисером и золотом, что делают на Руси даже крестьяне, — но чего не делают в других странах даже короли... В Германии три князя могли бы одеться на те деньги, которые у нас тратит на свой костюм простой боярин». Он предлагает запретительные меры против этих обыкновений и советует усвоить покрой и форму одежды у иностранцев. Вопрос о преобразовании одежды он предлагает взять на себя самому правительству, сделав опыт на царских стрельцах и приближенных, которым только во время больших празднеств выдавать богатую казенную одежду^{*****}.

* Соловьев, IX, 470. Ср. интересный отрицательный взгляд на поляков у Крижанича, О промысле, стр. 70–71, и у Коллинса (Чт. М. О. И. год I, книга I).

** Рус. госуд. I, 333.

*** Политика, Рус. госуд. XVII в. М. 1860, и О промысле 1860, изд. Бессоновым.

**** Рус. госуд. I, 148, 182.

***** Рус. госуд. I, 129–143.

Но действовать в этом направлении было пока очень трудно. Не смотря на свою близость к царю и знатность, боярин Никита Иванович Романов однажды подвергся неприятности от патриарха Никона за то, что одел своих слуг в ливрею, по иностранному образцу. Никон, которому не нравилась эта затея, придумал средство избавить царского дядю от греха: он попросил у него это платье, как будто бы для образца, желая одеть таким же образом своих слуг, но когда последний прислал платье, то патриарх велел изрезать его в куски (или бросить в огонь). «Он (Романов) был большой любитель немецкой музыки, говорит Олеарий. Он имеет особенное расположение не только ко всем иностранцам, преимущественно же к немцам, но даже и к их платью, так что построил себе польское и немецкое платье, в которых ради своего удовольствия, и выезжает иногда на охоту, не обращая внимания на замечания патриарха; но на эти, равно и другие замечания его, по поводу некоторых противоречивых поступков, он всегда давал короткие и резкие ответы, так что патриарх должен был прибегнуть к хитрости». У того же Романова был бот¹⁶, который обратил впоследствии на себя внимание молодого внука его и послужил началом русского флота*.

Даже в конце своего царствования (1675 г.) царь Алексей, уступая требованиям защитников старины, велел исключить из списка стряпчих и записать в жильцы молодого князя Андрея Михайловича Кольцова-Масальского за то, что он подстриг у себя на голове волосы; а вместе с тем велел объявить, чтобы стряпчие, дворяне и жильцы немецких обычаев не перенимали и волос у себя на голове не подстригали, а также платья, кафтанов и шапок по иностранным образцам не носили и людям своим не велели. За нарушение этого постановления виновным грозило понижение в чинах и царская опала**. Однако в 1681 г., по повелению царя Федора Алексеевича, была введена для придворных и служилых людей польская одежда***. Перемену эту объясняли тогда влиянием молодой жены царя (Грушецкой), происходившей из польской фамилии. Так постепенно подготовлялись будущие реформы Петра Великого.

* Олеарий, изд. М. О. И., 164; Соловьев XII, 348. Сын боярина Шереметева сбрил бороду, а постоянные обличения, направленные против этого нововведения, свидетельствуют, что оно было уже значительно распространено. Соловьев, XIV, 277.

** П. С. З. № 607; Соловьев, XII, 330, XIV, 277. Патр. Иоаким и Адриан снова издают запрещения против брадобрития, указывающие на его распространение. Ibid. XIV, 277–78. Буслаев, Древне-рус. борода, Очерки литерат. и искус., т. II.

*** Один современник говорит, что эта перемена была совершена весьма скоро и не встретила тогда противодействия. Соловьев, XVI, 32–33.

Задолго до него сближение это началось и в сфере школы, и в сфере науки. Русская молодежь, ездившая учиться в польские училища, проникалась там католическими мнениями в некоторых религиозных вопросах (о пресуществлении, хлебопоклонная ересь¹⁷) и успешно распространяла их даже в высшем обществе и в среде духовенства, что обнаружилось уже в царствование Федора и правление Софии*. В конце 1673 г., в Варшаву отправился русский резидентом, вместе с своим сыном, стольник и полковник В. М. Тяпкин. По своим симпатиям Тяпкин был вполне русский человек; он умирал в Польше с тоски по родине, не мог ужиться с поляками, смотрел на них с самой черной стороны, а между тем сам он стал писать полупольским языком, как видно из его писем и донесений в Москву, а своего сына отдал учиться в польскую школу. Спустя два года после пребывания в Польше, он отправил в Москву сына с грамотою короля Яна Собеского. При этом молодой Тяпкин был представлен последнему и благодарил его «за его королевское жалованье, за хлеб и соль и за науку школьную, которую употреблял, будучи в его государстве». Речь свою он говорил по латыни «довольно переплетаячи с польским языком, как тому обычай наук школьных надлежит»; а отец хвалился даже, что сын его «так явственно и изобразительно орацию свою предложил, что ни в одном слове не запнулся». Король поблагодарил оратора сотнею золотых червонных и 15-тью аршинами красного бархата**.

В это время переводятся, вероятно, с польского, некоторые сочинения знаменитых средневековых писателей: Альберта Великого (О таинствах женщин), Михаила Скотта (Физиогномика), Раймунда Люллия (Великая и предивная наука etc.); была переведена математика с греческого, латинского и польского языков, арифметика (Спафарием) с немецкого и книга о семи свободных художествах (его же). В послании изографа (живописца) Иосифа к царскому живописцу Симону Ушакову выражается сочувствие художника к произведениям западной живописи. В нем отвергается грубый взгляд на иконопись, по которому изящная красота священных изображений считалась делом непристойным и соблазнительным. Переводились, преимущественно с латинского и польского языков, космографии и врачебные книги***; появилась даже поваренная

* Остен. патр. Иоакима, изд. Казан. дух. акад., Казань, 1865 г. В западной России эти мнения распространяются еще вконец XVI в., Матер. для ист. воссоед. Руси, Кулиша, 60.

** Соловьев, XII, 204–205, 225; XIII, 228–29.

*** Буслаев, Галахов, Пекарский.

книга, переведенная с немецкого языка*. С учреждением почт в 1663 г., по словам Кильбургера¹⁸, в Посольском приказе стало получаться много иностранных газет; а в одной немецкой брошюре времен Петра Великого сообщается, между прочим, что газеты переводил и читал перед царем Алексеем Михайловичем известный своею ученостью и знанием многих языков доктор медицины и философии Генрих Келлерман**. Обращая все более и более внимания на Европу, в Москве боялись невыгодного мнения о военных действиях русских. С этой целью было составлено описание похода 1660 года, для опровержения распускаемых поляками слухов, и отослано в Любек к Ягану фон-Горну¹⁹ с тем, чтобы он напечатал его на немецком языке и разослал по окрестным государствам***.

В 1679 году было отправлено царем Федором посольство в Австрию и Францию, с целью склонить эти державы к союзу против турок. Посольство это состояло из боярина И. В. Бутурлина, окольничего И. И. Чаадаева и думного дьяка Голосова. В Париже русское посольство обратило на себя особенное внимание Кольбера²⁰. Однажды во время пребывания послов в Версале пришли инкогнито к ужину, в числе прочих посетителей, жена маршала d'Estrées и г-жа de Thiange. Послы, не показав виду, что они их заметили, подошли по окончании ужина к этим дамам, и, выпив за их здоровье вина, приказали играть в честь их музыке. Французский писатель восхищается тонкою учтивостью москвитян. Venoitsнял с обоих послов и с сына Бутурлина весьма хорошие портреты. Посетив обсерваторию знаменитого Кассини²¹, Бутурлин рассматривал все с особенным вниманием, и, увидя земной глобус, сделал своему сыну несколько географических вопросов, на которые получил весьма удовлетворительные ответы. Оставаясь довольно долго у Кассини и увидев, что Венера начала восходить на горизонте, Бутурлин просил астронома показать ему эту планету в телескоп, а потом показал ее своему сыну****.

В самой Москве потребность высшей школы стала уже сознаваться при Алексее Михайловиче. Недостатком просвещения объясняли тогда самые недостатки в церкви. «Искал я, говорит Паисий Лигорид, митрополит Газский²², корня этого духовного недуга, поразившего ныне царство русское, и старался открыть, откуда бы могло произойти такое наводнение ересей на общую нашу пагубу,

* Отчет Румянцевского музея за 1867–1869 гг., 28.

** Пекарский, I, 198–199; Рихтер, История медицины в России, II, 290.

*** Соловьев, XI, 124–125.

**** Берх, Царствование Федора Алексеевича, 74–78.

и наконец нашел, что все зло произошло от двух причин: от того, что нет народных училищ и библиотек. Если бы меня спросили, какие столпы церкви и государства? я бы отвечал: во-первых училища, во-вторых училища и в-третьих училища». Под влиянием такой настоятельной необходимости, уже в 1668 г. возникла мысль об учреждении в Москве славяно-греко-латинского училища, которая нашла поддержку в восточных патриархах и в царе Алексее Михайловиче*. В своей привилегии на учреждение в Москве академии, царь Федор ссылается на грамоту патриархов 1668 года, как на предвестницу этой последней**.

Но высшая школа XVII века должна была служить еще интересам церкви; академии XVIII в. учреждались в интересах науки и государства и стоят в непосредственной связи с теми практическими нуждами страны, которые ясно были намечены в XVII веке, как в стремлениях и мнениях лучших его представителей, так и в некоторых постановлениях правительства...

Киев. 12 февраля 1883 года.

* Смирнов, История московской академии, 6–7.

** Ibid. 12.